

Юй Цинъинь твердо решил остаться с Му Сибаям до конца этой жизни, чего бы это ни стоило. Обернувшись десятилетним мальчишкой — изящным, с ясным взором и лукавой улыбкой, — он стал воплощением эфирной грации. В этом обличе его трудно было отличить от девочки: настолько тонкими и одухотворенными были черты лица.

Юный Му Сибай все это время послушно ждал его у ручья. Но когда последняя крошка османтусового пирожного исчезла, вместо прекрасного юноши перед ним предстал кроха Юй Цинъинь, наряженный в одну лишь ярко-алую шелковую безрукавку-дудоу.

Маленький Му Сибай смотрел на ребенка, который был едва ли выше его самого, не зная, как реагировать.

— Юй Цинъинь...

Он подошел ближе и, сняв свою верхнюю одежду, набросил ее на плечи малыша.

— Ой? Ты меня узнал? — Юй Цинъинь надеялся разыграть его, но маскировка пала в то же мгновение.

— Надень, замерзнешь... — Му Сибай смотрел на тонкую красную ткань дудоу, прикрывавшую лишь самое необходимое. Этот клочок шелка едва справлялся со своей задачей.

— Мне совсем не холодно! — Юй Цинъинь вернул одежду Му Сибая, широко и искренне улыбнувшись. Он совершенно не видел ничего зазорного в том, чтобы разгуливать в одном нижнем белье.

— В твоём возрасте... уже не пристало ходить в одной безрукавке.

— Э? Уже поздно для такого?

Юй Цинъинь, обычно непробиваемый, неожиданно смутился. Осознав, какую глупость совершил, он то бледнел, то краснел от неловкости.

— И еще, — Му Сибай чуть наклонился, указывая пальцем куда-то за спину «мальчика», — у тебя там вырос пушистый хвост.

«Пушистый хвост?» Юй Цинъинь был фениксом, и его хвост никак нельзя было назвать пушистым. К тому же он не мог вернуться в истинную форму — откуда же взяться хвосту? Он медленно обернулся и увидел серого, покрытого клочковатой шерстью лиса, который прятался у него за спиной. Маленький плут задрал голову и глупо хихикнул.

— Ланьмэй? Ты-то как здесь оказался?!

Юй Циньинь мгновенно вернул себе истинный облик и в гневе схватил лису за загривок. Яо Ланьмэй, болтая лапами в воздухе, отчаянно заерзал.

— Я ищу старшего брата! Только от тебя сильнее всего пахнет Яо Е!

При упоминании этого имени Му Сибай помрачнел, его взгляд стал пугающе холодным, но двое спорщиков, занятых друг другом, этого не заметили.

— Ладно, можешь идти со мной, но пообещай кое-что, — сдался Юй Циньинь, удивляясь упорству лисёнка.

Яо Ланьмэй перестал брыкаться и уставился на него круглыми, блестящими глазами.

— В мире смертных без моего разрешения — ни шагу.

Заплата из шерсти принялся неистово кивать, хотя верить его обещаниям было делом сомнительным. Несмотря на клятву, Юй Циньинь решил не спускать глаз с маленького лиса-соблазнителя.

Так началось их странное странствие: смертный, лис и бессмертный феникс.

Чтобы Му Сибай ни в чем не нуждался и познал вкус сытой жизни, Юй Циньинь не раз пускался во все тяжкие. Он регулярно продавал лиса в бродячие цирки, откуда она сама же и сбегала, пополняя их бюджет. Сам же «Глава павильона» без зазрения совести обирал падких на красоту богатеев, виртуозно пуская им пыль в глаза. Благодаря этим нехитрым махинациям Му Сибай рос, не зная нужды.

По легенде, Му Сибай был принцем павшей династии, которого преследовали наемники, а город Лоян был местом гибели его матери. Разумно было бы держаться от него подальше, но Юй Циньинь, верный своему упрямству, наперекор судьбе купил там усадьбу. Он поселился прямо под носом у врагов, словно приглашая их к нападению.

Слухи об этой странной семье среди соседей ползли один причудливее другого. Сначала в дом въехали прекрасный юноша и чудесный мальчик, но вскоре из-за забора стали доноситься странные звериные крики. Жители поговаривали: уж не оборотни ли это?

Те, кто жаждал смерти Му Сибая, долго не могли их выследить. Однако выходки этой троицы (а точнее — одного лиса и одного феникса) были настолько вызывающими, что вскоре привлекли внимание двора. Один за другим в усадьбу являлись убийцы: они использовали яды, устраивали засады, пускали стрелы, но ни один не преуспел.

Незаметно пролетело пять лет. Му Сибай превратился в статного, на диво хорошенького юношу с нежной кожей и ярким взором. Тайные заговорщики в бессильной злобе проклинали его, называя «порождением хаоса», которое принесет гибель Поднебесной, если его не устранить.

Они и не догадывались, что настоящей бедой был вовсе не Му Сибай, а Юй Циньинь.

Всех убийц и лазутчиков божественный феникс убирал тихо и методично. Детство Му Сибая прошло в покое и радости, а воспоминания об этих годах остались в сердце Юй Циньиня яркими вспышками.

Когда Му Сибая было тринадцать, Юй Циньинь от скуки превратился в ребенка и взялся дразнить Яо Ланьмэй. Затем он затребовал лотосов для «маленького Сибая» и, решив блеснуть мастерством цингуна, вылетел на середину пруда, прямо на широкие листья. Но один из корней подозрительно напомнил лису собачий хвост; лисёнок прыгнул, и обе «божественные сущности», не умеющие плавать, с шумом ушли на дно. Му Сибая пришлось отложить книгу и вытаскивать незадачливых утопленников. В тот день Юй Циньинь в сердцах оборвал все лотосы в своем саду и у соседей, чем навлек на себя немало хлопот.

В пятнадцать Му Сибай собрал волосы в узел — настал возраст отрочества. Юй Циньинь отправил его в лучшую школу города, но, снедаемый тревогой, каждый день следовал за ним по пятам, облачившись в черный костюм ночного лазутчика. По Лояну тут же пронесся слух о таинственном «Черном охотнике за красотой», который преследует прекрасных юношей.

В шестнадцать, наслушавшись историй об «охотнике» (и не подозревая, что сам стал их причиной), Юй Циньинь решил лично обучить Му Сибая Технике самообороны «Против волков». И лишь скрестив оружие, он осознал масштаб таланта юноши. Му Сибай был рожден для войны: его движения были молниеносны, а реакция безупречна. Юй Циньинь никогда не считал себя великим воином, но того, что обычный смертный начнет теснить его, он не ожидал. Именно тогда он заметил странность: Му Сибай всегда чуть медлил, если атака шла слева. Это не было случайностью — в прошлой жизни он потерял левый глаз, и в этой остался слеп на ту же сторону от рождения.

В семнадцать Юй Циньинь пытался сосватать его, но свахи одна за другой давали от ворот поворот. Он так и не понял причины, хотя весь город уже знал: в том доме живут демоны, заманивающие невинных девушек в свои сети.

В девятнадцать, после их тысяча четыреста шестьдесят восьмого поединка, Юй Циньинь убрал призрачный меч, сотворенный из веера, и подошел к Му Сибая.

— Сибай, а не хочешь ли ты стать бессмертным?

Он долго размышлял над этим. Му Сибай был одарен и имел связь с небесами; если он посвятит себя Дао, место в сонме небожителей ему обеспечено.

Му Сибай вложил клинок в ножны и, не поднимая головы, ответил:

— Цинъинь, ты ведь обещал оберегать меня в этой жизни? Говорил, что я должен жениться и завести детей?

Юй Цинъинь растерянно кивнул. Так и было.

— Значит, если я стану небожителем, ты останешься со мной на сотни и тысячи лет?

— Я... — Об этом феникс не думал. Он лишь хотел вернуть долг за смерть Му Сибая в прошлом.

— Если ты вознесешься, мы станем названными братьями! Будем веками пить вино и веселиться!

Он по-хозяйски приобнял Му Сибая за плечо, рассмеявшись. Ошибки в его словах так никто и не исправил.

Му Сибай отвернулся и, уходя со двора, едва слышно уронил:

— Ты так ничего и не понял.

Глядя ему в спину, Юй Цинъинь крикнул:

— Сибай, не опоздай в школу! Будь умницей!

Лепестки белой груши вперемешку с молодыми листьями ивы кружились в воздухе, оседая на бирюзовых одеждах и наполняя сад тонким ароматом.

Боясь, что скучная обстановка плохо скажется на Му Сибая, Юй Цинъинь специально выбрал этот дом с садом. Удивительно, но даже без Вэйяна деревья здесь цвели буйно и пышно.

Он подошел к груше и сорвал ветку, усыпанную цветами, похожими на белый нефрит.

— Такая красота... Стоит пустить их на вино, а потом выпить вместе с Сибаяем.

Он растер лепестки в ладонях, вдыхая аромат, и в тот же миг ощутил за спиной едва слышимые, до боли знакомые шаги.

— Ланьмэй, я же говорил — не смей принимать человеческий облик в мире смертных...

Договорить он не успел. Внезапные крепкие объятия заставили его осечься.

Этот рост, этот запах... это была не Ланьмэй.

Юй Циньинь сам возвел барьер вокруг дома, ни один демон не мог проскользнуть незамеченным.

Он попытался вырваться, но незнакомец перехватил его ладонью за подбородок. В шоке Юй Циньинь почувствовал, как чужие зубы впились в его нижнюю губу. Вместе с острой болью в сознание хлынули обрывки чужих, забытых воспоминаний.

Он улыбался, делая вид, что ему все равно, но не замечал изумленного взгляда учителя. И вдруг кто-то сзади обхватил его за талию, прижимая к себе так крепко, что стало трудно дышать.

— Старший брат Циньинь... Один день в разлуке — словно три года тоски. Твоя младшая сестренка совсем потеряла голову от любви!

Юй Циньиня бросило в дрожь. Этот «кто-то» явно сгорал от вожделения, и намерения его были далеки от пристойных.

Этот «сестренка» был невероятно силен — пожалуй, сильнее самого Юй Циньиня, — так что силой здесь было не справиться. Пока он лихорадочно соображал, как освободиться, руки наглеца начали бесстыдно блуждать по его телу.

Глаза Юй Циньиня полезли на лоб. Какая дерзость! Стоящие рядом замерли в оцепенении: обниматься так нагло прямо на глазах у учителя... Сегодня точно прольется кровь.

— Старший брат, ты ведь тоже скучал по мне? — «сестренка» приник к его уху, обжигая дыханием.

«Скучал, как же», — яростно подумал Юй Циньинь. Он уже видел, как лицо учителя наливалось тяжестью. Буря была неизбежна.

— Повежливее, сестрица! — процедил он сквозь зубы.

Но следующий шаг этого мерзавца окончательно выбил почву у него из-под ног. Тот, ничуть не смущаясь присутствием наставника, коснулся языком мочки уха Юй Циньиня, а затем, увидев, что учитель все еще хранит зловещее молчание, лукаво усмехнулся и прикусил ее.

Терпеть дальше было нельзя. Юй Цинъинь резко наступил обидчику на ногу, а когда тот отпрянул, развернулся, замахиваясь для пощечины. Он не собирался бить по-настоящему, лишь хотел припугнуть, но его запястье тут же перехватили.

Победная улыбка «сестренки» так и резала глаз. Юй Цинъинь одарил наглеца испепеляющим взглядом.

— Не перегибай палку!

Но того лишь забавило это сопротивление. Чем сильнее бесился Юй Цинъинь, тем больше удовольствия получал наглец, выставляя их близость напоказ перед учителем.

Это... мои воспоминания?

Юй Цинъинь потрясенно замер, не в силах отстраниться от человека, который продолжал настойчиво и жадно целовать его.

<http://bllate.org/book/17464/1697326>